

Научная статья
УДК 821.161.09«19»
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-30
EDN: VOMCVS

«Кнут» и «хомут» в прозе А. И. Эртеля: отражение проблемы телесных наказаний в художественной литературе

Ирина Юрьевна Смирнова

Аспирант кафедры отечественной филологии, Костромской государственной университет. 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
Irisbalsan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4663-0160>

Аннотация. Статья посвящена проблеме телесных наказаний и ее отражению в русской литературе второй половины XIX в., в частности, в творчестве А. И. Эртеля. Автор работы отмечает, что вопрос телесных наказаний оставался в России актуальным вплоть до революции 1917 г., поддерживался законодательно закрепленным механизмом контроля порядка в общественно-культурной среде страны в целом. В задачи статьи входит осмысление изображения телесных наказаний в прозе А. И. Эртеля, анализ авторского отношения к указанной проблеме, а также уяснение художественных методов и средств изобразительности, использованных писателем для передачи актуальности и серьезности вопроса, без решения которого, по мнению Эртеля, не могла идти речь о правах человека в русском обществе, о гуманном отношении людей друг к другу. Автор статьи показывает своеобразный разрыв между стремлением писателя решить остро стоящие вопросы насущной жизни и его пониманием невозможности их однозначного разрешения. При этом в статье отмечается несомненная заслуга Эртеля в использовании тех художественных приемов, благодаря которым читатель видит порочность обрисованных мер, необходимость их искоренения. В работе показана распространенность наказаний во всех сословиях России конца XIX в. Автор статьи анализирует различные примеры из произведений Эртеля и приходит к выводу, что народ привык быть собственностью, практически утратил базовый инстинкт человека, заключающийся в защите своих границ. Кроме того, отмечается, что в самой крестьянской среде рукоприкладство стало неотъемлемым элементом контроля власти человека над человеком. Показана широкая распространенность самосудов, жестокостей в крестьянской среде, которые нашли воплощение в прозе Эртеля, особенно в его романе «Гарденины...». Писатель-реалист одновременно был и защитником, просветителем народа: не понаслышке зная о зверствах и издевательствах среди крестьян, Эртель был убежден в первостепенной необходимости освобождения народа от гнета, его просвещения и образования.

Ключевые слова: А. И. Эртель; «Записки Степняка»; телесные наказания; крестьяне; народный самосуд; помещики; крепостное право; жестокость; судебное законодательство; справедливость

Для цитирования: Смирнова И. Ю. «Кнут» и «хомут» в прозе А. И. Эртеля: отражение проблемы телесных наказаний в художественной литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 30–41. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-30>. <https://elibrary.ru/VOMCVS>

Original article

«Whip» and «yoke» in A. I. Ertel's prose: the problem of corporal punishment in fiction

Irina Yu. Smirnova

Postgraduate student at the department of russian philology, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky str., 17
Irisbalsan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4663-0160>

Abstract. The article focuses on the problem of corporal punishment and how it is reflected in Russian literature of the late XIX century, in particular, in A. I. Ertel's works.

The author of the study notes that the issue of corporal punishment remained relevant in Russia until the 1917 revolution, maintained by the legal mechanism of controlling order in the country's social and cultural environment.

The objectives of the article are to analyze the depiction of corporal punishment in A. I. Ertel's prose, and the writer's attitude to this problem, as well as to clarify the creative methods and artistic means used by the writer to

convey the urgent and serious issue, whose solution, in Ertel's opinion, was essential for human rights discussion in Russian society, for humane attitude of people to each other.

The author of the article shows a particular gap between the writer's desire to solve the urgent issues of daily life and his awareness that they can never be resolved unambiguously.

At the same time, the article notes Ertel's obvious merit in the use of creative methods, which show the reader the depicted vicious measures and the need to eradicate them.

The study shows widely spread punishments in all Russian social classes at the end of the XIX century. The author of the article analyzes various examples from Ertel's works and comes to the conclusion that the people got used to being someone's possession lacking the basic human instinct to protect their identities.

It is also noted that in the peasant community itself, abuse became an integral part of exercising controlling power of man over man. Widespread lynchings and cruelties in the peasant environment are depicted in Ertel's prose, especially in his novel *The Gardenins*...

The realist writer was also a protector and an educator of the people: knowing firsthand about the atrocities and abuse among the peasants, Ertel was convinced of the paramount need to free the people from oppression, to enlighten and educate them.

Key words: A. I. Ertel; Stepniak's Notes; corporal punishment; peasants; people's lynching; landlords; serfdom; cruelty; judicial legislation; justice

For citation: Smirnova I. Yu. «Whip» and «yoke» in A. I. Ertel's prose: the problem of corporal punishment in fiction. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(3):30–41. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-30>. <https://elibrary.ru/VOMCVS>

Введение. Проблема телесных наказаний в России второй половины XIX в., ее отражение в литературе

Произведения художественной литературы нередко становятся одними из ярких свидетельств жизни народа в определенное время и раскрывают многие причины и следствия общественных проблем. В русской классической литературе XIX в. наиболее остро поставлены самые важные духовно-нравственные и социальные проблемы жизни людей. Ю. В. Лебедев точно отметил, что «художественное освоение жизни в русской классической литературе никогда не превращалось в сугубо эстетическое занятие, оно всегда преследовало живую духовно-практическую цель» [Лебедев, 2014, с. 305]. Главной задачей русских писателей было творческое преображение жизни, борьба с проблемами государственного устройства, общественными пороками, нравственными изъянами людей.

Тема телесных наказаний в России оставалась актуальной вплоть до 1910-х гг. и была особенно широко обсуждаема во второй половине XIX в., во время активного пробуждения в обществе гражданского сознания. Телесные наказания были неотъемлемым элементом не только негласной расправы помещиков над провинившимися крепостными в маленьких уездных городках и имениях, но и законодательно закрепленным механизмом контроля порядка в общественно-культурной среде страны в целом, излюбленной карательной мерой со стороны волостных судов. Стивен Фрэнк, описывая телесные наказания в

России, отметил, что «сельские полицейские чины и уездные предводители дворян могли просить суды выносить приговоры о телесных наказаниях для сельских жителей, которые нарушали административный или правовой порядок, в то время как недавно созданным мировым посредникам было дано прямое право приказывать сечь крестьян» [Frank, 1997, p. 401]. Отметим, что не менее частым явлением было наказание в народной среде, когда крестьяне устраивали собственные суды и жестоко расправлялись с виновными в различных преступлениях и проступках.

Многовековое крепостное право укоренило в сознании людей необходимость удерживать власть и авторитет путем применения социального преимущества и физической силы. Закрепленное на законодательном уровне право помещиков и властей на телесные наказания крестьян заставляло простой народ смиренно терпеть барский произвол. Даже отмена крепостного права не дала народу гарантии на неприкосновенность личности: в России в отношении непривилегированных сословий продолжали применяться телесные наказания. Эти пережитки жестокого режима распространялись на «крестьянство, мещан, солдат, учащихся школ, подсудных и осужденных, т. е. всех сословий и групп населения, которые согласно существовавшим законам и обычаям подвергались за различные провинности телесным наказаниям кнутом, розгами, шпицрутенами и другими средствами избиения человека в целях устрашения его и других, „чтобы неповядно было” совершать провинности хотя бы и в виде „неповиновения”» [Смирнов, 2010,

с. 48]. Трепетали перед страхом физической расправы и чиновники, хорошо усвоившие господствовавшую в царской России «власть кулака», распространявшуюся жандармами и административной верхушкой.

Строгие наказания и зверства по отношению к простому народу, а нередко и среди самого простого народа возмущали передовую интеллигенцию в лице писателей, публицистов, критиков. Ю. В. Бубнова справедливо отметила, что при серьезной и глубокой изученности проблемы телесных наказаний в Российской империи в плане законодательства и судебной практики, вопрос восприятия этого факта обществом XIX в. в достаточной мере еще не освещен [Бубнова, 2020, с. 64]. В плане понимания отношения к телесным наказаниям разных групп населения, укорененности этой меры воздействия на человека в обществе одними из лучших свидетельств являются реалистические произведения русской литературы второй половины XIX в., которые дают наглядную картину истязания народа, долгое время остававшегося практически бесправным. Примечательно, что к вопросу телесных наказаний в русской классике обращаются даже исследователи-юристы [Урусов, 2004].

О телесных наказаниях писали как классики (Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и др.), так и писатели-народники (Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, Н. Г. Помяловский, Г. Успенский и др.), авторы демократического направления, большое внимание уделявшие жизни крестьян. Особенное внимание на вопросы жестокости в крестьянской среде, проблему телесных наказаний в применении к народу обратил А. И. Эртель.

В задачи данной статьи входит осмысление изображения телесных наказаний в прозе А. И. Эртеля, анализ авторского отношения к указанной проблеме, а также уяснение художественных методов и средств изобразительности, использованных писателем для передачи актуальности и серьезности вопроса, без решения которого, по мнению Эртеля, не могла идти речь о правах человека в русском обществе, о гуманном отношении людей друг к другу.

Эртель наглядно продемонстрировал в своих произведениях бесправное положение простого народа, его отсталость и забитость. Многолетний труд на должности управляющего имением позволил писателю запечатлеть в памяти и перенести в тексты произведений многочисленные образы представителей разных социальных слоев,

которые привыкли вымещать свою злость и недовольство на окружающих, унижая последних и вовлекая их в порочный круг физической расправы над слабыми. Эртель знал и все ужасы крестьянского мира. С детских лет он был близок с простым народом, знаком с мировоззрением крестьян, их привычками, нравами, понимал беды и темные стороны жизни мужиков, на протяжении всей жизни не только умел сочувствовать тяжелой доле людей, но и реальным делом стремился помочь им. В голодный 1891 г. Эртель выступил в качестве мецената, осуществляя сбор средств для пострадавших крестьян, по его инициативе в селе была построена школа для крестьянских детей (где впоследствии давала уроки его жена). В своей литературной деятельности Эртель выступил не только обличителем крепостнических пережитков, но и ярким противником народных жестокостей, самосуда, тех строгих или даже страшных мер наказания, которые нередко изобретались самими обитателями деревни друг для друга.

Мы уже писали о «своеобразных качелях» писателя «между стремлением решить остро стоящие вопросы насущной жизни и пониманием невозможности их однозначного разрешения» [Смирнова, 2023, с. 127]. Однако несомненная заслуга Эртеля заключается в трезвом и реалистичном изображении общественной проблемы и в тех художественных приемах, благодаря которым читатель видит порочность мер, необходимость их искоренения.

Н. А. Дегтярев, рассматривая проблематику телесных наказаний в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского, отмечает, что тема физического и морального воздействия на учащихся в русской литературе была поднята фактически только к 1860-м гг. [Дегтярев, 2019, с. 126]. Вопрос о наказании крестьян за провинности был освещен в литературе и середины XIX в., однако с максимальной силой он воплотился именно в пореформенных произведениях.

Телесные наказания в книге очерков А. И. Эртеля «Записки Степняка»

Изображению телесных наказаний посвящено немало ярких примеров в первом цикле очерков Эртеля «Записки Степняка» (1860–1862). В книге Эртель воссоздает картину освобожденного по сути, но продолжающего быть угнетаемым народом: «И народ не из бойких населяет эти поля. Угрюмая низменность и томительное однообразие края словно отозвались на нем <...> Зато он

помнит все ужасы крепостного права <...> Он прежде всего землепашец. Не уважает новшеств, презирает городские нравы, плохо верит начальству <...> Своеобразен и противоречив он (как и во всем) в своих понятиях о нравственности и праве» [Эртель, 1909, с. 15].

Эртель показывает, что система телесных наказаний развратила не только помещиков и управленцев, но сделала послушными рабами крестьян, которые стали обращать применяемые к ним меры в отношении еще более слабых. Парадокс, по мнению Эртеля, кроется в трепете и благоговении народа перед властями в лице волостных старшин, чиновников, господ, воруемых и наживающихся на их бедности, и неприкрытой «варварски холодной жестокостью», с которой этот же народ готов «забывать до смерти мелкого воришку, попавшегося с хомутом или холстами» [Эртель, 1909, с. 15]; в стремлении мирно, не прибегая к суду «по одной „мужицкой“ совести» развести мужа и жену и по этой же совести «пороть сноху, обрутавшую распутника-свекра „черным словом“» [Эртель, 1909, с. 16]. Не осуждая и не давая оценку явной неправомерности и даже жестокости этих нравов, писатель резюмирует: «Он [народ] таков, каким его воспитало многовековое ярмо» [Эртель, 1909, с. 16].

В Толковом словаре Ожегова слово «ярмо» имеет два значения: 1. Деревянный хомут для рабочего рогатого скота; 2. *перен.* Бремя, тяжесть, иго (высок.) [Ожегов, 1960, с. 57]. Данные определения помогают раскрыть семантику использованной Эртелем метафоры, из которой следует, что крепостное право для народа стало узаконенным способом эксплуатации человека человеком, подобно использованию рабочего скота; в нравственном (высоком) смысле крепостничество стало тем самым бременем для простого народа, которое возложило на его плечи многочисленные обязанности и обязательства перед баринем, заставляя терпеть бесконечную финансовую нужду, моральные унижения и даже телесные наказания. Эртель искренне сочувствовал русскому народу, как И. С. Тургенев в поздний период творчества, он искренне верил, что «не уникальная личность, а православный народ является выразителем исторической воли», что «главная мера и оценка всего» – «интерес народа и возможность его присутствия в деле» [Феномен, 2022, с. 444].

Из двадцати рассказов и очерков, вошедших в цикл «Записки Степняка», семь содержат в себе сцены применения телесных наказаний. Физиче-

ская расправа нашла свое выражение в лексемах и устойчивых сочетаниях: «палочек отведать», «лупить по пяткам», «сотворить звонкого подзатыльника или оглушительной затрешины», «намять бока», «всыпать», «полыснуть», «садануть», «высечь», «засыпать», «выпороть», «потрясти за виски». Упоминаются и орудия, к помощи которых прибегали для причинения наибольшего физического страдания: плети, кнут и розги.

Исходя из того, представителем какого сословия являлись истязатель и его жертва, нами были выделены в книге очерков три семантические группы: 1 – наказание крестьянина помещиком или человеком, представляющим интересы помещика; 2 – наказание крестьянина купцом (кулаком); 3 – расправа крестьянина над крестьянином.

Интересно отметить, что к первой смысловой группе мы отнесли всего два рассказа. В очерке «Визгуновская экономия» изображается имение Визгуновка, хозяева которой уже несколько лет живут за границей, а дворовые люди и крестьяне продолжают поддерживать в усадьбе строгие крепостные порядки, рьяно охраняют и контролируют которые управляющий – старик Пантелей Антипыч – и конторщик Ефрем Алкидыч. Именно они вершат суд над провинившимися мужиками и бабами. И только за неуважительное обращение к нему конторщик бросается с метелкой за бабой, поддерживаемый криками собравшегося народа: «*Луни её по пяткам-то!.. Луни её, шельму... Швырк-то в нее, Алкидыч!...<...>* Мужики и бабы помирали со смеху» (курсив автора статьи) [Эртель, 1909, с. 146]. Автор использует сниженную лексику и просторечия, подчеркивая отсутствие образования у крестьян. Слово «шельма» в толковом словаре Ушакова отмечено как *разг., бран.* Оно характеризует ловкого, плутоватого человека или того, кто уличен в мошенничестве – мошенника, негодяя [Толковый словарь, 1940, стб. 1332]. Бранные слова, равно как и нецензурная лексика, были широко распространены в речи крестьян. В момент эмоционального пика разбушевавшаяся толпа охотно поддерживает истязателя, выкрикивая оскорбления по отношению к жертве.

Физическая расправа являлась допустимой не только по отношению к мужчинам, но была применима и к женщинам, при этом стала методом, привычным для народа. Несчастные бабы порою не только не находили защиты в лице своих односельчан, но оказывались объектом для всеобщей потехи. Анализируя телесные наказания,

применяемые к женщинам в XIX в. в качестве меры воздействия на проступки и нарушение порядка, исследователь И. А. Попп показывает их двойственность. С одной стороны, подобное наказание было несомненным злом, которое унижало человека, с другой стороны, порочное отношение к женщине привело не только к забитости слабого пола, но и к примерам вызывающей распущенности. И. А. Попп отмечает, что простой народ порою не мог обходиться без физического усмирения, что в деревнях процветали кражи, прелюбодеяния со стороны женщин, без своеобразного физического внушения не понимавших оснований для необходимости изменения. «Некоторые образованные мировые судьи связывали рост краж в крестьянской среде с „мягким” отношением к слабому полу»; «Волостные судьи проявляли негативное отношение к крестьянкам, которые отличались „непокорностью”, изменяли своим мужьям или разрушали чужие семьи» [Попп, 2024, с. 240].

Как ни парадоксально, в очерке Эртеля именно на привычке подчиняться и бояться строилась «визгуновская экономия», позволяющая именину существовать в привычном крепостническом русле. С приходом нового хозяина — купца Мордолупова — Визгуновка быстро утратила свое величие, превратилась в источник дохода за счет строительства винокурни, свинарников и маслобойни. Потеряли прежнее равновесие жизни и мужики: «...избаловались мужичишки. Пьянство такое открылось, что Боже упаси!», — резюмирует Пармен спустя всего 3 года после продажи имения. Таким образом, дворянские усадьбы в 1870-е гг. если и продолжали функционировать, то жизнь в них поддерживалась по инерции, представляя собой скорее привычку людей существовать именно так, как было завещано поколением отцов и дедов, свято чтивших патриархальные законы и безоговорочно принимавших власть господ.

В очерке «Барин Листарка» «малодушный» дворянин Аристарх Алексеевич Тетеркин с ностальгией вспоминает о временах расцвета крепостного права и рассказывает о барине Антоне Рафаиловиче Воронове, который своих мужиков не щадил, а «чуть не по нем — плетями! В кнуты!.. Розог!» [Эртель, 1909, с. 190]. Хотя все перечисленные средства использовались для наказаний, отличавшихся жестокостью, именно розги были самым распространенным орудием наказания для всех сословий. В статье «Бить или не бить» И. А. Попп, ссылаясь на труды комиссии

сенатора М. Н. Любошинского, отмечает: «Телесное наказание розгами есть самое употребительное, ибо розог опасаются больше всех других наказаний» [Попп, 2024, с. 240]. Героя-дворянина Тетеркина в очерке Эртеля до глубины души оскорбляет тот факт, что нынешние дворяне считаются с мнением мужиков, позволяют им сидеть в присутствии господ и говорят «вы». В образе Тетеркина Эртель комично обличил пережитки помещичьих привычек и нравов, не случайно сами мужики дают своему хозяину ироничное прозвище «барин Листарка».

В. Г. Андреева отметила, что Эртель «прекрасно понимал, что былого великолепия дворянских усадеб не вернуть, он смог осознать и показать читателю причины заката дворянской усадебной жизни: практическую неспособность молодых помещиков к активному труду, отрыв от почвы, нежелание бороться за будущее благополучие родных мест» [Андреева, 2020, с. 117]. Тот факт, что в цикле «Записки Степняка» представлен всего один рассказ о зверстве помещика над крепостными, дает нам возможность сделать вывод о том, что в 1870-е гг. власть дворян находилась в сильнейшем упадке, авторитет господ перед народом больше не носил характера бесспорного рабского подчинения, поэтому мужики больше не «ломали шапок» при виде барина, ощущая себя свободными, но еще по инерции позволяли манипулировать собой.

Ведущую роль в формировании финансовых взаимоотношений и нравственных влияний в новую капиталистическую эпоху начали играть купцы и кулаки. Люди, сумевшие в эпоху смуты воспользоваться бедственным положением простого народа, нажить огромные состояния, приобрести влияние в высших кругах, умело манипулировали крестьянами, владели рычагами психологического воздействия на мужиков, а также не боялись прибегать к методам физических наказаний, допускаемых законом. Эртель изображает ту бездну безнравственности, в которую погружается общество, ставшее заложником власти Мамоны. В очерках «Криворожье», «Поплёшка» и «Крокодил» писатель касается вопроса телесных наказаний, применяемых со стороны зажиточных купцов и кулаков в отношении крестьян.

В рассказе «Криворожье» состоятельный мельник Лазарь Парамоныч за пропавшую с обеденного стола утку намеревается высечь кухарку Степаху. Не потому, что нечего есть, а для того, чтобы в следующий раз неповадно было. В

очерке «Поплётка» 25-летний «старик» жалуется на самодурство зажиточного попа (отца Агея), имеющего собственный кабак и держащего всю деревню в финансовой кабале. Образы нищего бесправного мужика и богатого властного попа являются яркими антиподами. Эртель не случайно использует антитезу: мощный контраст в изображении героев не только помогает раскрыть ключевые качества героев, но и позволяет усилить впечатление от конфликта произведения. На вопрос, почему никто не жалуется на произвол, Поплётка скажет: «Попробуй-ка... Он тебе, брат, таких... Он тебе таких засыпет!... Поп он гордый, не любит жалоб» [Эртель, 1909, с. 65]. В этом отказе от борьбы за свои права видится губительное влияние крепостного строя, превратившего людей в рабов и так глубоко поразивших их сознание необходимостью подчиняться и терпеть.

Очерк «Крокодил» знакомит нас с начальником строительной артели Сазоном Психеичем (получившим прозвище Крокодил). Его власть над собой установили сами же работники, свято убежденные в том, что над мужиками обязательно должен быть контроль, а иначе не будет среди них ни порядка, ни заработка, а лишь разгул да пьянство. Наказание за нарушение дисциплины в артели Крокодила было самое жестокое: «...самая первобытная порка!.. У них, ежели закурил цыгарку парень на работе – пороть, зашел в кабак – опять пороть, не послушал десятника или изругался матерным словом – снова и снова его пороть голубчик... Нравы спартанские!» [Эртель, 1909, с. 255]. Эртель намеренно вводит в контекст лексические повторы, акцентируя внимание читателя на слове «порка», указывая читателю не только на метод телесного наказания, но и на его регулярность и его продолжительность.

Даже самый юный «без малейшего признака пуха на бороде» [Эртель, 1909, с. 260] работник Ефим подчиняется этим первобытным порядкам. За курение цыгарки Сазон Психеич велит десятнику «потрясти его (Ефима) за виски» [Эртель, 1909, с. 260]. После трепки Ефимка в ноги поклонится Крокодилу и, сдерживая слезы, скроется в толпе.

Можно представить, насколько противоречивые чувства испытывает герой. Не случайно Эртель показывает контраст в поведении Ефимки: он ненавидит Сазона Психеича, остерегается его, а вместе с тем признает его авторитет. В. Б. Безгин точно отметил, что «крестьяне, по

их собственному свидетельству, боялись не физической боли, а оскорбления их человеческого достоинства позором публичного наказания. ... Лиц, подвергнутых публичной экзекуции, в деревне называли „поротыми“, и это клеймо оставалось на них до конца жизни» [Безгин, 2017, с. 83].

Несмотря на явное унижение, в очерке Эртеля мы видим добровольное закабаление мужиков, не способных к самостоятельному решению финансовых вопросов, социальных конфликтов и даже не владеющих навыком самодисциплины. Всё это были побочные явления многовековой крепостной зависимости, лишившей людей идентификации себя как полноценной личности.

Для крестьян применение телесных наказаний было обычным делом. Народ настолько привык быть собственностью, что практически утратил базовый инстинкт человека, заключающийся в защите своих границ. В самой крестьянской среде рукоприкладство также стало неотъемлемым элементом контроля власти человека над человеком. Согласно патриархальной традиции, закреплённой в «Домострое», старший мужчина в семье имел право применять физические наказания по отношению к остальным ее членам, отец мог побить прекословящего его мнению сына, муж мог проучить кулаком провинившуюся жену или непослушных детей. Для мужиков привычным было решать возникшие проблемы друг с другом путем применения грубой физической силы. В очерке «Мои домочадцы» Эртель рисует перед нами образ поистине русского богатыря – Михайло. Писатель сравнивает его по мощи и силе с былинным героем Бовою. «Михайло не пропускал ни единого живого существа без того, чтобы не сотворить этому существу *звонкого подзатыльника* или *оглушительной затрецины*. Для чего это выделялось, он и сам не мог объяснить, – так, уж характер такой был у человека» (курсив автора статьи) [Эртель, 1909, с. 217]. Главной ценностью для мужика была сила: кто был сильнее, тот и прав, а «человек, не обладающий кулаком, подобным молоту, по мнению Михайлы, стоил лишь плевка» [Эртель, 1909, с. 217]. Герой даже не осознает, насколько безнравственно и опасно для окружающих его поведение. Он рассказывает другим «домочадцам», как, заночевав однажды в Улитиных двориках, совершил кулачную расправу над тремя мужиками, а потом заодно и над хозяином двора, имевшего неосторожность потребовать с Михайлы денег за ночевку. Повествует он об этом «са-

модовольно поглядывая на свой здоровенный кулачище» [Эртель, 1909, с. 223]. Самое удивительное, что никто из слушателей не осуждает Михайло, не пытается воззвать к его совести: «Опять никто ничего не ответил. Помолчали» [Эртель, 1909, с. 223]. Физическая расправа сильного над слабым была для крестьян привычной. Тем же, кто не обладал влиянием или физической силой, оставалось лишь смиренно терпеть, давая волю своему оскорбленному чувству человеческого достоинства и горькой обиде на несправедливость жизни. Так, мужичок Поплешка вымещает накопившуюся злость на убогой своей лошаденке: «...раза два подлетал он к лошаде и бил ее кулаком по морде, причем сердито и отрывисто кричал» [Эртель, 1909, с. 65]. Рассказывая о своей несчастной жизни, Поплешка то и дело «с какой-то детской злобой» [Эртель, 1909, с. 66] замахивается на скотину, словно стараясь на ней выместить всю горечь своих обид.

В. Г. Андреева замечает, что «крестьянский мир в книге Эртеля стеснен, темен, в нем идет непрекращающаяся борьба с бесом»: «Повторяющаяся в русской литературе XIX века сцена с истязанием лошади, непристойные песни, драки до увечий, семейные ссоры, избивание женщины, даже требование хомута соседу. Стало ли лучше крестьянину „на свободе“? Ответ на этот вопрос дает старичок на двадцать пятом году жизни — Поплешка, сообщающий герою, что по смерти барина в их деревне замудрил поп, ничего себе поп: „Поп гордый, поп богатый. ...В кабале мы у него, матушка!“». В очерке скрыто появляется мотив смерти. „Хомуточка, признаться, на шейку добывал...“, — говорит Поплешка и поясняет, что хомутом называется работа. Но у читателя, соотносящего изображение крестьянского мира в разных очерках, сразу воскресает в памяти фигура конокрадов из самой первой, вступительной главки, позволяя в полной мере раскрыть суть авторской метафоры: „Ты, как за хомут скотинуто у тебя пропили, легче бы петлю накинуд на себя...“» [Андреева, 2013, с. 95].

Порка и избивание как приемы управления народом сверху и как методы расправы в народной среде

17 апреля 1863 г. Александром II был подписан указ, которым император «отменил клеймение, шпицрутены и кошки, отменил плечи для всех, кроме каторжников и ссыльнопоселенцев, освободил от телесных наказаний всех женщин,

кроме каторжанок и поселенок» [Смирнов, 2010, с. 49]. Таким образом, телесные наказания дольше всего применялись к заключенным и людям, отбывающим наказание в Сибири и других областях. В очерке Эртеля «Под шум выюги» перед нами предстает образ мужика Андреяна Семеныча, человека деятельного, умеющего здраво мыслить, усердно работать, потому имеющего крепкое хозяйство, просторную сосновую избу, стабильный доход. Из истории жизни Андреяна Семеныча мы узнаем, что за участие в бунте против насильного переселения крестьян, мужик был сослан в Сибирь, в Томскую, где и пришлось ему «палочек отвеждать» (курсив автора статьи) [Эртель, 1909, с. 31]. Речь идет о наказании розгами или шпицрутенами. Именно этот вид телесного наказания у заключенных считался наиболее жестоким и травмирующим, т. к. удары по телу даже через одежду приносили серьезные увечья (количество ударов обычно не ограничивалось). Уже по прошествии десятка лет Андреян Семеныч, сядя за стол, хватается за спину, сетуя на то, что «поясница одолевает... Должно, все палочки отзываются» [Эртель, 1909, с. 30]. Лишь в 1864 г. Судебная реформа полностью отменила телесные наказания в отношении людей, а «идея исправления человека получила значительный перевес перед идеей устрашения» [Смирнов, 2010, с. 49].

Несмотря на то, что на законодательном уровне физические наказания далее были запрещены, органы местного самоуправления еще на протяжении нескольких десятилетий применяли телесные наказания в отношении крестьян. Не сразу изменилось и народное сознание, произвол длительное время воспринимался как должное. Ю. В. Бубнова отмечает, что «...борьба за отмену телесных наказаний представляла собой часть комплекса мер, предусмотренных либеральной общественностью для уравнивания крестьян с другими сословиями в их правовом положении» [Бубнова, 2020, с. 66]. Вопросы об отмене телесных наказаний неоднократно поднимались земством. Цитируя статью «Хроника внутренней жизни», изданную в журнале «Русской богатство» за 1898 г. (этот уже конец XIX в.!) Ю. В. Бубнова отмечает негативное отношение земства и самих крестьян к наказаниям: «Об отрицательном влиянии телесных наказаний на общественную жизнь в деревне говорили и гласные саратовского земства от крестьян, упоминавшие, что „есть такие общества, в которых выбирать на общественную должность некого, пото-

му что все пороты”. „Сечение нисколько не исправляет, а только портит людей. Опозоренные крестьяне не занимаются и общественным делом. Вместо того, чтобы идти на сход, они идут в кабаки”» [Бубнова, 2020, с. 68].

В романе Эртеля 1889 г. «Гарденины: их дворян, приверженцы и враги» телесные наказания играют важную роль в процессе управления людьми. Власть над крестьянами в имении Гарденино сосредоточена в руках ярых сторонников патриархальной системы и преданных хранителей интересов господ – управляющего Мартына Лукьяныча Рахманного, конюшего Капитона Аверьяныча и конторщика Агея Данилыча Дымкина. Все они поддерживают свой авторитет строгостью по отношению к подчиненным, а также применением телесных наказаний. Первая же сцена в конюшне, где Капитон Аверьяныч проводит регулярный осмотр прекрасных барских лошадей, заканчивается избиванием молодого конюха Федотки, недосмотревшего за чистотой подстилки: «Капитон Аверьяныч внезапно побагровел <...> быстро подошел он к Федотке, у которого уж побелели и затряслись губы, *ткнул* его сжатым кулаком прямо в лицо» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 58]. Мы узнаем, что рукоприкладство является обычным делом в имении, и «зуботычина» или «удар костью» у конюхов не считались самой худшей мерой наказания. Страшнее было грозное слово: «В контору!», что означало бесповоротный и мгновенный расчет.

Образ управляющего имением – Мартына Лукьяныча – Эртель создавал, ориентируясь во многом на нрав и характер своего отца. Иван Александрович Эртель много лет занимал должность управляющего в имении Савельева, где зарекомендовал себя человеком твердой руки, беспощадным в своей власти над дворовыми и крепостными, требовательным до жестокости. В письме к В. Г. Черткову от 13 июля 1888 г. Эртель оставил характерные воспоминания об отце: «Будучи много лет управляющим во время крепостного права, прибегая много, конечно, раз к кулачной расправе и к другим жестокостям, он все-таки оставил после себя очень добрую память» [Письма А. И. Эртеля, 1909, с. 5]. Эти черты мы обнаруживаем в персонаже, созданном Эртелем. Особенно ярко проявились они в эпизоде, где во время объезда барских угодий Мартын Лукьяныч, Агей Данилыч, староста Ивлий и юный Николай Рахманный обнаруживают местных крестьян-однодворцев, ловящих сурков. При

виде этого произвола Мартын Лукьяныч «внезапно побагровел, сделал какое-то зверское, иступленное лицо с грубыми ругательствами помчался к рыжебородому <...> И, замахнувшись что есть силы, начал *хлестать* рыжебородого *нагайкой* по лицу и по чему попало» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 74]. Такая же участь ждала и «молодого малого в кафтане»: «Мартин Лукьяныч, наклонившись с седла, *ударом кулака* сшиб шапку с малого и, уцепившись *за волосы*, стал его *таскать*» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 75]. При этом несчастные контрабандисты не только не оказывают сопротивления, а покорно терпят удары, лишь «размазывая подолом кровь по лицу, и отчаянно ругаясь» [Эртель, 1985, с. 75].

Телесные наказания продолжали оставаться не только излюбленной мерой устрашения работников со стороны начальников, но и методом удержания власти старшего в семье. В роман «Гарденины» Эртель включает эпизод семейной «свары» (шумная перебранка, ссора), сопровождающейся дракой среди родственников [Эртель, 1985, с. 166]. В архиве ОР РГБ сохранился черновой листок, на котором Эртель сделал пометку: «Не забыть ввести главу: раздора в семье сельского старосты, это началось с того, что сын просится на заработку „на низ“ „в казаки“ а отец не пускает» (пунктуация автора) [Эртель, ОР РГБ Ф. 349 Картон 1 Ед. хр. 8 Л. 1]. Это примечание позволяет нам сделать вывод о том, что данная глава имела особое значение для писателя. Она вошла в первую часть романа под номером VII со следующей аннотацией: «„В казаки!“ – Домашний совет. – Из-за сапог и шапки. – Семейное побоище. – Распадение дореформенных крепей» [Эртель, 1985, с. 151]. Скандал в семье старосты Веденя разразился, когда сын Андрон решил жить своей жизнью, выйти из-под патриархальной власти отца, прямо заявив ему, что желает идти в казаки и распоряжаться своим заработком самостоятельно, отделиться от родителей, припомнив отцу, как тот запретил ему даже купить новые сапоги и шапку: «Андрон, стоя посреди избы и зуб-за-зуб выкладывая свои претензии» [Эртель, 1985, с. 166]. Отец же, пылая гневом, то и дело пытается схватить непослушного сына за бороду. Один раз старику удается подпрыгнуть и рвануть ее так, что «клок красно-рыжих Андроновских волос очутился в крючковых пальцах Веденя» [Эртель, 1985, с. 167]. С криком: «Ты, старый пес, уже при людях лезешь драться?» – бросается на защиту Андрона его

жена Авдотья, завязывается самая настоящая драка [Эртель, 1985, с. 167]. Дело о семейном раздоре в доме старосты решают на мирской сходке, во время которой и происходит «распадение дореформенных крепей», ведь старики решают встать на сторону Андрона и разрешить ему отделиться от отца. Таким образом, данная глава действительно становится очень важной. История конфликта в семье сельского старосты наглядно демонстрирует, насколько изжил себя патриархальный уклад крестьянской жизни: теперь угроза физической расправы оказывается бессмысленной перед стремлением человека отстаивать свои личные границы и право на счастье.

В раскрытии проблемы телесных наказаний в России пореформенного периода большое значение имеет эпизод первой части, главы XII. В канцелярии Фомы Фомича Турчанинова производится допрос подозреваемого в убийстве Агафокла – Кирюшки. Прежде чем представить мужика судебному следователю, становой распоряжается самостоятельно допросить его. В отвратительном вонючем чулане, по приказу Фомы Фомича, держат несчастного, не давая ему воды, но закармливая соленой селедкой. Когда молодой Николай Рахманный увидит, во что превратился подозреваемый, он содрогнется: «Закованный по рукам и ногам, в изорванной рубахе с какими-то подозрительными пятнами, босой, он выступал, как-то выпячивая грудь, откинув голову, беспокойно перебегая неестественно светлыми глазами. Лицо его было ужасно» [Эртель, 1985, с. 283]. Благодаря умело подобранным эпитетам, Эртель реалистично показывает читателю человека, лишившегося рассудка из-за истязаний. Его белое, бескровное лицо, лишенное эмоций, которые заменяют «мелкие неприятные судороги», его «однообразно скрипучий голос» позволяют осознать, что человеческую личность выбили из Кирюшки.

Николай сразу замечает, что Кирюшка не в себе. Фома Фомич бросается к подозреваемому с угрозами: «Запорю!.. Сгною!.. Вдребезги расшибу, ррракиля! Сознаться сейчас» [Эртель, 1985, с. 284]. Сцена выбивания из невинного признания до деталей продумана писателем. Эртель показывает нам человека, которого лишили возможности и права постоять за себя, решили добить или уничтожить без разбирательств. Глубоко и проникновенно представляет Эртель попытки Кирюшки изменить что-то, которые переданы через глаголы, иллюстрирующие тщетные действия и усилия: «...стоя среди

избы, он с неуловимой быстротой *шевелил* губами, что-то беззвучно *шептал*, *поводил* плечом, *переступал* с ноги на ногу, насколько позволяли кандалы» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 284]. Для передачи иступленного состояния героя, Эртель использует повторы, показывая одно и то же действие, одно и то же выражение: «Кирюшка продолжал шевелить губами с тем же видом мучительного напряжения» [Эртель, 1985, с. 284]. Во многом как и Ф. М. Достоевский Эртель в рассматриваемом эпизоде создает эффект телесного сопереживания – читатель вместе с Николаем Рахманным тяжело воспринимает каждое движение Кирюшки и сопереживает: «Вовлекаясь в мир романа, переживая все многообразие воздействий – психологических, идеологических, религиозных, которым мы подвергаемся в процессе чтения, мы „заражаемся“ и физиологией героев, их жестикуляцией, особенностями их пластики» [Степанян, 2024, с. 157].

Читатель понимает, что от Кирюшки уже не дожидаться вразумительного ответа, но страшнее всего то, что и на его когда-то еще толковые ответы, и на последующий бред следует один и тот же ответ: «Тогда Фома Фомич *с размаху ударил* его чубуком по лицу» (курсив автора статьи) [Эртель, 1985, с. 284]. Далее следует безобразная сцена избия Кирюшки становым, караульными и даже «благобразным» старичком в очках [Эртель, 1985, с. 282]. Примечателен этот эпизод в плане изображения слепой ненависти простых русских людей друг к другу, а также в плане живущего в каждом человеке из народа рабского страха жуткого произвола. Не случайно «здоровый малый в красной рубахе с черною, как смоль, бородой, с медно-красным лицом» представляется Николаю палачом, а чуть позднее Рахманному приходит в голову дикая мысль: «Ну-ка выпорют?».

Кэти Фриерсон в статье «Преступление и наказание в российской деревне: сельские концепции преступности в конце девятнадцатого века» рассматривает данные статистики и приводит очень жестокие примеры самосуда – «сельской практики, посредством которой крестьяне брали дело в свои руки и улаживали дело с подозреваемым преступником посредством физического наказания, позора или требования компенсации» [Frierson, 1987, p. 55]. Случай с избием Кирюшки в романе Эртеля позволяет читателю понять, что «преступление и наказание имели определенное и устоявшееся значение в сельской культуре» [Frierson, 1987, p. 55].

В позднем романе Эртеля «Карьера Струкова» 1895 г. также присутствуют сцены телесных наказаний. Несмотря на проведенные реформы и работу земств, физическое насилие продолжало существовать в крестьянском быту, сохранившем патриархальные пережитки, согласно которым муж имел полную власть над женой и по своей воле мог вершить над ней расправу. Из рассказа няни семьи интеллигентов Струковых мы узнаем, что солдат Максим свою жену «Фросю тиранит, как Иуда какой из-за ревности» [Эртель, 1984, с. 438]. Поражает тот факт, что историю про то, как Максим свою супругу «измордовал» [Эртель, 1984, с. 438], няня рассказывает с большой иронией, «уморительно передразнивая» «ирода» и отмечая, что до того, как не запретил «идол» Фросе ходить «на стирку», от рассказов несчастной «животики надрывали!» [Эртель, 1984, с. 439]. Эртель показывает, что крестьянский мир темен и жесток, не готов вступить за женщину, фактически оставшуюся долгое время бесправной просто потому, что она не могла противостоять мужчине в физической силе. Противоположное народному мнению относительно вопроса рукоприкладства в семье имеет Наташа Струкова. Эта история до глубины души потрясает её своей бесчеловечностью: «Но это так невозможно оставлять, – вдруг разгорячилась Наташа, – необходимо вмешаться, необходимо усовестить его», – в ужасе восклицает героиня [Эртель, 1984, с. 440]. Изображая полные взгляды на проблему домашнего насилия, Эртель демонстрирует фактическую неразрешимость последней. Читатель прекрасно знает, что все призывы и воззвания искренней Наташи в ее собственной семье разбиваются о равнодушие ее супруга.

Эртель, всей душой сопереживающий тяжелой доле крестьян, был ярким противником применения антигуманных и бесчеловечных методов. В неизданной статье «Падет ли русское общество?» (1896), представляющей ответ на статью Л. Н. Толстого «Стыдно» (1896), созданную по просьбе сельских учителей, жаловавшихся на применение телесных наказаний в отношении крестьян, Эртель отмечает, что проблема применения физических наказаний является настолько очевидной, что «говорить об этом становится трюизмом» [Эртель. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 4. Ед. хр. 13. Л. 4]. По мнению Эртеля, «авторитетное слово» Толстого, к которому привык прислушиваться весь цивилизованный мир, возымеет в деле «освобождении русского народа от раз-

вращающего влияния телесных наказаний» отнюдь не меньшее значение, чем множественные ходатайства комитетов и земских собраний» [Эртель. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 4. Ед. хр. 13. Л. 3]. Эртель отмечает необходимость юридического контроля над данным вопросом, который обеспечил бы безопасность прав и свобод людей разных социальных слоев.

Итак, проблема телесных наказаний в пореформенной России оставалась актуальной вплоть до конца XIX в. Изменения в судебном законодательстве произошли, но еще долгое время в сознании людей жило и процветало право применять в отношении слабых физическую расправу. В процессе ломки общественного сознания большую роль сыграли писатели, которые ставили перед собой задачу обличить зверства и бесчинства, ставшие за многовековой период крепостного права нормой. В творчестве Эртеля вопрос телесных наказаний получил яркую реализацию. Писатель показал героев разных социальных классов, прекрасно проиллюстрировав масштаб проблемы, ее укорененность в русской жизни, постарался обозначить круг обуславливающих это порочное явление причин. Изображенные писателем картины русской действительности необыкновенно реалистичны, однако в своих произведениях Эртель выступил лишь в роли обличителя, оставляя право суда над героями жизни и читателям. Писатель прекрасно передал полное отсутствие уважения к личности и ценностям человека, которое царило в русском обществе конца XIX в.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Образ усадьбы и родной земли в повестях и романах А. И. Эртеля // Новый филологический вестник. 2020. № 1(52). С. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>
2. Андреева В. Г. Художественный мир книги очерков А. И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.
3. Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. Москва : Common place, 2017. 334 с.
4. Бубнова Ю. Г. Борьба за отмену телесных наказаний по решениям волостных судов российской империи на рубеже XIX–XX веков // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 2. С. 65–75. <https://doi.org/10.24411/2309-1592-2020-10008>
5. Дегтерев Н. А. Аксиологическая проблематика телесных наказаний в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 1. С. 126–129.

6. Лебедев Ю. В. Уроки классической русской литературы // Лебедев Ю. В. «О слово русское, родное». Страницы истории отечественной литературы. Кострома : КГУ, 2014. С. 302–321.

7. Ожегов С. А. Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. Москва : ГИС, 1960. 900 с.

8. Письма А. И. Эртеля. Москва : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1909. 410 с.

9. Попп И. А. «Бить или не бить?»: К проблеме телесных наказаний женщин в пореформенный период // Историко-педагогические чтения. 2024. № 28. С. 238–242.

10. Смирнов А. Г. Противоборство консервативного и либерально-демократического общественного мнения за отмену телесных наказаний в годы реформ (60-70-е гг. XIX в.) // Клио. 2010. № 4(51). С. 48–50.

11. Смирнова И. Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А. И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

12. Степанян Е. В. О проблеме «телесного сопреживания» читателя героям «Преступления и наказания» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2(26). С. 147–160. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-147-160>

13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1940. 1502 стб.

14. Урусов А. А., Тимко С. А. Телесные наказания в классической русской литературе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2004. № 4. С. 207–209.

15. Эртель А. И. Собр. соч. А. И. Эртеля. С портретом и факсимиле автора и критико-биографической статьей Ф. Д. Батюшкова: в 7 т. Т. 1. Москва : Московское книгоиздательство, 1909.

16. Эртель А. И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги : роман. Москва : Сов. Россия, 1985. 560 с.

17. Эртель А. И. Волхонская барышня: Повести / сост., автор вступ. сатъи и примечаний К. Ломунов. Москва : Современник, 1984. 495 с.

18. Эртель А. И. «Гарденины»: роман [1888–1889]. Черновые наброски. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 1. Ед. хр. 8.

19. Эртель А. И. «Падет ли русское общество?» – статья (Ответ на статью Л. Н. Толстого «Стыдно») 1895–1996 гг. ОР РГБ. Ф. 349. Картон 4. Ед. хр. 13.

20. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева [и др.]. Кострома : Костромской государственный университет, 2022. 512 с.

21. Frierson, Cathy. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century. Slavic Review, 1987. № 1. P. 55–69. <https://doi.org/10.2307/2498620>

22. Frank S. P. Emancipation and the Birch: The Perpetuation of Corporal Punishment in Rural Russia, 1861–1907. Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas, 1997. № 3. P. 401–416.

Reference list

1. Andreeva V. G. Obraz usad'by i rodnoj zemli v povestjakh i romanah A. I. Jertelja = The image of the estate and native land in A. I. Ertel's novels and novellas // Novyj filologicheskij vestnik. 2020. № 1(52). S. 107–119. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00009>

2. Andreeva V. G. Hudozhestvennyj mir knigi ocherkov A. I. Jertelja «Zapiski Stepnjaka» = The artistic world of A. I. Ertel's essay book Stepaniak's Notes // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. T. 19, № 1. S. 93–97.

3. Bezgin V. B. Muzhickaja pravda. Obychnoe pravo i sud russkih krest'jan = Peasant's truth. Common law and Russian peasants' court. Moskva : Common place, 2017. 334 с.

4. Bubnova Ju. G. Bor'ba za otmenu telesnyh nakazaniij po reshenijam volostnyh sudov rossijskoj imperii na rubezhe XIX–XX vekov = The fight for the abolition of corporal punishment according to the volost courts' decisions in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. 2020. № 2. S. 65–75. <https://doi.org/10.24411/2309-1592-2020-10008>

5. Degterev N. A. Aksiologicheskaja problematika telesnyh nakazaniij v «Ocherkah bursy» N. G. Pomjalovskogo = Axiological problems of corporal punishment in “Sketches of a Bursa” by N. G. Pomialovsky // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25, № 1. S. 126–129.

6. Lebedev Ju. V. Uroki klassicheskoi russkoj literatury = Lessons in classical Russian literature // Lebedev Ju. V. «O slovo russkoe, rodnoe». Stranicy istorii otechestvennoj literatury. Kostroma : KGU, 2014. S. 302–321.

7. Ozhegov S. A. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of the Russian language. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : GIS, 1960. 900 s.

8. Pis'ma A. I. Jertelja = A. I. Ertel's letters. Moskva : Tipografija T-va I.D. Sytina, 1909. 410 s.

9. Popp I. A. «Bit' ili ne bit'?»: K probleme telesnyh nakazaniij zhenshhin v poreformennyj period = «To beat or not to beat?»: On the problem of corporal punishment of women in the post-reform period // Istoriko-pedagogicheskie chtenija. 2024. № 28. S. 238–242.

10. Smirnov A. G. Protivoborstvo konservativnogo i liberal'no-demokraticheskogo obshhestvennogo mneniija za otmenu telesnyh nakazaniij v gody reform (60–70-e gg. XIX v.) = Confrontation of conservative and liberal-democratic public opinion on the abolition of corporal punishment in the reform years (60–70s of the XIX century) // Klio. 2010. № 4(51). S. 48–50.

11. Smirnova I. Ju. «Prosveshhenie» ili «obogashhenie»: o cennostjah i sostojanii russkogo poreformennogo obshhestva v cikle A. I. Jertelja «Zapiski Stepnjaka» = «Enlightenment» or «enrichment»: on values and conditions of Russian post-reform society in A. I. Ertel's cycle «Stepniak's Notes» // Dva veka russkoj klassiki. 2023. T. 5, № 3. S. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>
12. Stepanjan E. V. O probleme «telesnogo sope-rezhivanija» chitatelja gerojam «Prestuplenija i nakazani-ja» = On the problem of the reader's «bodily empathy» with the heroes of Crime and Punishment // Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Filologicheskij zhurnal. 2024. № 2(26). S. 147–160. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-147-160>
13. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: V 4 t. T. 4. = Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols. Vol. 4. / gl. red. B. M. Volin, D. N. Ushakov; pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Sov. jencikl.: OGIZ, 1940. 1502 stb.
14. Urusov A. A., Timko S. A. Telesnye nakazanija v klassicheskoj russkoj literature = Corporal punishment in classical Russian literature // Aktual'nye problemy bor'by s prestuplenijami i inymi pravonarushenijami. 2004. № 4. S. 207–209.
15. Jertel' A. I. Sobr. soch. A. I. Jertelja. S portretom i faksimile avtora i kritiko-biograficheskoj stat'ej F. D. Batjushkova: v 7 t. T. 1. = Collected works by A. I. Ertel. With a portrait and facsimile of the author and a critical biographical article by F. D. Batiushkov: in 7 vols. Vol. 1. Moskva : Moskovskoe knigoizdatel'stvo, 1909.
16. Jertel' A. I. Gardeniny, ih dvornja, priverzhency i vragi = The Gardenins, their servants, followers and enemies: roman. Moskva : Sov. Rossija, 1985. 560 s.
17. Jertel' A. I. Volhonskaja baryshnja = A young lady of Volkhonka : povesti / sost., avtor vstup. sat'i i primechanij K. Lomunov. Moskva : Sovremennik, 1984. 495 s.
18. Jertel' A. I. «Gardeniny» = The Gardenins: roman [1888–1889]. Chernovye nabroski. OR RGB. F. 349. Karton 1. Ed. hr. 8.
19. Jertel' A. I. «Padet li russkoe obshhestvo?» – stat'ja (Otvét na stat'ju L. N. Tolstogo «Stydno») = «Will Russian society collapse?» – article (In response to L. N. Tolstoy's article «Shame») 1895–1996 gg. OR RGB. F. 349. Karton 4. Ed. hr. 13.
20. Fenomen jepicheskogo romana v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Tur-genev, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevskij = The phenome-non of the epic novel in Russian literature of the second half of the XIX century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky / V. G. Andreeva, A. V. Gulin, N. L. Ermolaeva [i dr.]. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2022. 512 s.
21. Frierson, Cathy. Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century. Slavic Review, 1987. № 1. R. 55–69. <https://doi.org/10.2307/2498620>
22. Frank S. P. Emancipation and the Birch: The Perpetuation of Corporal Punishment in Rural Russia, 1861–1907. Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas, 1997. № 3. R. 401–416.

Статья поступила в редакцию 22.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 22.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025